

На правах рукописи

Болотникова Олеся Николаевна

**СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ ДВЕРИ И ОКНА
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ Н.В. ГОГОЛЯ**

10.01.01 – Русская литература

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Томск – 2017

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» на кафедре русской и зарубежной литературы.

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Киселев Виталий Сергеевич

Официальные оппоненты:

Кошечко Анастасия Николаевна, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Томский государственный педагогический университет», кафедра литературы и методики ее преподавания, профессор

Фрик Татьяна Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», кафедра русского языка как иностранного, доцент

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

Защита состоится 17 мая 2017 г. в 10 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.05, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (учебный корпус № 3 ТГУ, аудитория 26).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на официальном сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Автореферат разослан «___» марта 2017 г.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ:
<http://www.ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/newpublicationn/BolotnikovaON17052017.html>

Учёный секретарь
диссертационного совета

Филь Юлия Вадимовна

Общая характеристика работы

Диссертационное исследование посвящено двери и окну как элементам домашнего пространства в творчестве Н.В. Гоголя, их семантике и функциям.

Пространство как универсальная категория человеческого мышления имеет большое значение в литературе. Одним из специфичных его видов является домашнее. Дом, будучи феноменом повседневной материальной культуры¹, воплощает в себе систему коллективных представлений о «правильной» для данного сообщества организации жизни, включающей в себя отношения к природному, социально-коммуникативному и информационному пространству. Эти семиотико-функциональные презумпции оказывают сильнейшее воздействие на индивидуальное художественное моделирование домашних образов.

Феноменология, мифопоэтика, семиотика и художественная функциональность домашнего пространства является **актуальной темой современного литературоведения**. В феноменологическом аспекте как сокращённую вселенную, которую человеческое сознание структурирует и наделяет смыслами с помощью образов памяти и воображения, рассматривает домашнее пространство и его отдельные составляющие Гастон Башляр². Мирча Элиаде в книге «Священное и мирское» выявляет мифологическую семантику дома, становящегося преемником сакральных сооружений. Они призваны обозначать и космогонически моделировать центр Вселенной, огражденный от вторжения хаотических враждебных сил³. Для Ю.М. Лотмана мифопоэтика дома выступает отправным моментом для формирования целого ряда семиотических кодов, с помощью которых структурируется представление о мире⁴.

Художественная функциональность дома как образа и мотива в русской литературе XVIII – XX вв. является одним из популярных предметов литерату-

¹ См. опыт рассмотрения дома в данном контексте: *Лелеко В.Д.* Пространство повседневности как предмет культурологического анализа: дис. ... д-ра культурол. наук. СПб., 2002 (раздел 3.3. Дом как locus пространства повседневности).

² *Башляр Г.* Избранные труды: Поэтика пространства. М.: РОССПЭН, 2004. С. 8-113.

³ *Элиаде М.* Избранные сочинения. М.: Ладомир, 2000. С. 260-282.

⁴ *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 163-300.

роведения. Только в последние десятилетия ей посвящен обширный ряд исследований, охватывающих авторов и произведения от периода сентиментализма до современности (Е.П. Зыкова, Н.С. Мовнина, Н.С. Болкунова, Л.В. Бугрова, О.В. Мамонова, Л.И. Густова, Т.И. Радомская, В.Г. Щукин, Т.М. Жаглова, О.А. Попова, Е.В. Подарцев, А.А. Богодерова, Э. Маркштайн, Л.В. Ершова, В. Малахов, А.И. Разувалова, М.В. Галаева, Н.С. Пояркова, О.А. Фещенко, Н.С. Анисимова, М.В. Медвидь, Е.Н. Кирьянова, Е.В. Белогунова). Значительно менее изученной остается внутренняя организация домашнего пространства, его членение и функции отдельных элементов. В особенности это касается таких ключевых деталей, как окно и дверь, обозначающих рубежи жилища и служащих коммуникации с внешним миром.

Лучше всего осмыслена семантика и функциональность пороговых элементов в славянской ритуально-обрядовой культуре, в том числе словесной (В.Н. Топоров, А.К. Байбурин, Т.В. Цивьян, А.Б. Мороз, Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская). Изучение семантики и функций двери и окна в русской литературе ограничивается пока отдельными, не складывающимися в системную картину, наблюдениями, осуществляемыми при анализе домашней сферы в целом. Единственная попытка упорядочить материал, относящийся к поэтике окна, в отечественной классике принадлежит В.Г. Щукину. Он определяет окно как «особо напряженную, чреватую неожиданностями границу дома и не-дома»⁵. В аспекте этого членения визуальные возможности окна приобретают вид двух сложно взаимодействующих векторов-сюжетов экстраспекции (заглядывания внутрь) и интроспекции (выглядывания наружу). Ученый рассматривает их как ядро особого рода микрожанров, получивших развитие в русской прозе и поэзии XIX-XX веков.

Основной комплекс наблюдений над семантикой двери и окна в русской литературе связан с индивидуальными формами выразительности и семиотическими кодами. Образец подобной интерпретации предлагает статья А.К. Жол-

⁵ Щукин В.Г. Окно как «жанровый» локус и поэтический образ // Поэтика русской литературы. М.: РГГУ, 2009. С. 80.

ковского об окнах у Пастернака (1978), имеющая своей целью выявить спектр значений образа как репрезентанта художественной системы писателя⁶. Методологическую ориентацию или прямую зависимость от подхода А.К. Жолковского обнаруживает значительный ряд современных работ о семиотике пограничных образов в литературе XX века (С.А. Губанов, Н.В. Лаврентьева, Л.Г. Кхиней, Е.В. Меркель, Т.А. Арсенова, Л.Н. Костякова, А.С. Чочиева, В.Е. Руина, О.И. Бирюкова, Е.И. Солнышкина и др.). Наблюдений над функциями двери и окна в классической литературной традиции немного, но они чаще выходят за пределы имманентной интерпретации и погружаются в культурологический контекст (Д.С. Лихачев, К.Г. Исупов) или в план художественной онтологии (А.А. Фаустов, М.М. Гельфонд, О.Б. Заславский, И.Ю. Веницкий, О.Б. Панова).

Между тем при большом объеме материала и важном месте в смысловом пространстве гоголевского творчества окно и дверь никогда не удаивались широкого системного рассмотрения. Наблюдения над их семантикой и поэтикой, как правило, включены в общий анализ гоголевского хронотопа. Принципиальное значение здесь имеет статья Ю.М. Лотмана «Проблема художественного пространства в прозе Гоголя», где намечается типология и эволюция пространственных образов, интерпретируемых как способы кодирования смыслов через моделирование хронотопических отношений⁷. Окно привлекло внимание только С.Н. Кауфман, которая интерпретировала ряд эпизодов из ранних гоголевских циклов, где оно предстает посредником между бытовым и фантастическим пространством и служит орудием получения «гностического» знания⁸, и Е.Е. Завьяловой, посвятившей ему несколько небольших статей с повторяющимся материалом. В качестве основных функций окна исследовательница выделяет маркирование достатка и состоятельности хозяина и, с другой стороны,

⁶ *Жолковский А.К.* Место окна в поэтическом мире Пастернака // *Жолковский А.К., Щеглов Ю.К.* Работы по поэтике выразительности. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. С. 209-239.

⁷ *Лотман Ю.М.* Художественное пространство в прозе Гоголя // *Лотман Ю.М.* О русской литературе. СПб.: Искусство-СПБ, 2005. С. 621-658.

⁸ *Кауфман С.Н.* «Окно-глаз» в визуально-зеркальной символике повестей Н.В. Гоголя // *Филология и человек.* 2010. № 3. С. 183-189.

воплощение социальных соблазнов (городские витрины), антропологическое моделирование, когда окно служит материально-пространственной метафорой образа жизни и личности владельца, включая в себя ее гротескные искажения, эстетическую характеристику, исходящую их архитектурных пристрастий Гоголя и акцентирующую гармоничность или нарушенные пропорции жилища, и, наконец, значение окна как медиатора между земной и inferнальной сферой⁹.

Таким образом, можно констатировать, что пороговые составляющие домашнего пространства как в русской литературе в целом, так и в произведениях Гоголя изучены в минимальной степени, не позволяющей произвести их систематизацию в структурно-функциональном и историко-эволюционном плане. Это определяет **актуальность диссертационной работы** и задает ее предмет, цель и методологию.

Объектом исследования являются произведения русской литературы XVII – первой трети XIX века, в которых домашнее пространство, в особенности дверь и окно как его элементы, имеет структурообразующий характер, и художественное творчество Н.В. Гоголя от ранних циклов («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород») до второго тома поэмы «Мертвые души».

Предметом исследования выступает семантика и функции окна и двери как составляющих домашнего пространства в художественной репрезентации произведений русской литературы XVII – первой трети XIX века и в творчестве Н.В. Гоголя.

Диссертационное сочинение имеет **целью** произвести системный анализ семантики и функций пороговых элементов домашнего пространства в художественном мире Н.В. Гоголя, рассматриваемом в его эволюции и в контексте исторической поэтики хронотопа русской литературы XVII – первой трети XIX века.

Данная цель определила ряд конкретных **задач исследования**.

⁹ Завьялова Е.Е. Образ окна в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Когнитивный подход к анализу и интерпретации художественного произведения. Астрахань, 2011. С. 34-38; Завьялова Е.Е. Поэтика «законных» описаний Н.В. Гоголя // Русская литература. 2012. № 4. С. 152-157; Завьялова Е.Е. О закономерностях в гоголевских описаниях: фасад: окно // Гуманитарные исследования. 2013. № 2 (46). С. 70-75.

1. Выявить и описать типы домашнего хронотопа, складывающиеся в восточнославянской ритуально-обрядовой культуре и русской литературе Нового времени (барочный, сентименталистский, романтический хронотоп дома) и оказавшие воздействие на пространственную поэтику Н.В. Гоголя, определив ключевую семантику и сюжетно-мотивные функции лиминальных элементов.

2. Реконструировать систему мифопоэтических комплексов, задающих семантику и функции двери и окна в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», и проследить их эволюцию в «Миргороде» в контексте формирования негативной домашней семиотики.

3. Определить семантико-функциональную роль лиминальных элементов в гоголевском драматургическом моделировании домашнего пространства (на материале пьес «Ревизор», «Женитьба» и «Игроки»).

4. Описать домашний хронотоп и его пороговые составляющие в «петербургских» повестях как инструмент социально-бытовых, экзистенциальных и трансцендентных разделений.

5. Осмыслить структурно-функциональное значение и поэтику двери и окна в контексте эпической интеграции пространства, осуществляемой в поэме «Мертвые души».

Предмет и цели работы мотивировали отбор **материала исследования**, которым послужили тексты восточнославянской ритуально-обрядовой культуры (загадки, пословицы, заговоры, поверья, приметы) и русской литературы XVII – первой трети XIX века, репрезентативно воплощающие лиминальную домашнюю поэтику (произведения Симеона Полоцкого, Г.Р. Державина, В.В. Капниста, Н.М. Карамзина, М.Н. Муравьева, М.И. Невзорова, Ф.Н. Глинки, С.А. Потемкина, А. Погорельского, В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова, А.С. Пушкина). Корпус анализируемых текстов Н.В. Гоголя составили основные художественные произведения от «Вечеров на хуторе близ Диканьки» до второго тома поэмы «Мертвые души». За пределами рассмотрения остались исторические, литературно-критические, публицистические и духовные тексты

писателя, где окно и дверь выступают не как элемент поэтического хронотопа, а являются символично-эмблематическим или понятийным обозначением.

Методология исследования вытекает из поставленных задач и ориентирована на структурно-функциональный подход. Дверь и окно рассматриваются как составляющие домашнего локуса, который, в свою очередь, включен в хронотоп произведения и авторского художественного мира. Семантика двери и окна в этом контексте определяется принципами структурного членения домашнего пространства и функциями разграничения отдельных зон. Поскольку домашний хронотоп как символическое пространство имеет кодирующий характер, позволяет с помощью материальных обозначений моделировать непространственные смыслы (социальные, экзистенциально-психологические, культурные, эстетические и т.п.), то подобные проекции определяют и семантику лиминальных элементов. Материально-пластическая основа, определяющая дверь и окно как художественный образ, на данном уровне преобразуется в знаковую, позволяющую их интерпретировать как мотив, что становится особенно заметным при метафорическом, эмблематическом или символическом использовании.

Методологическую основу диссертации составили труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященные вопросам семиотики (Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров) и феноменологии (Г. Башляр, М.М. Бахтин) пространства, мифопоэтики (М. Элиаде, В.Н. Топоров, А.К. Байбурин, С.М. Толстая, Т.В. Цивьян), проблемам исторической поэтики (М.М. Бахтин, О.М. Фрейденберг, Ю.В. Манн, И.П. Смирнов). Принципиальную важность имеют работы по эстетике и исторической поэтике барокко, сентиментализма и романтизма (Л.И. Сазонова, Л.А. Софронова, О.Б. Лебедева, Н.Д. Кочеткова, Ю.М. Лотман, Г.А. Гурковский, В.В. Виноградов, Г.Н. Храповицкая, Ф.П. Федоров, И.В. Карташова, Ю.В. Манн, А.С. Янушкевич, Р.В. Иезуитова, В.И. Коровин, В.Г. Щукин) и фундаментальные исследования в области гоголеведения по мифопоэтике (М.Я. Вайскопф, С.А. Гончаров, Л.А. Софронова, А.И. Иваницкий, А.Х. Гольденберг) и специфике художественного пространства (А. Белый, Ю.М. Лотман,

Ю.В. Манн, М.Н. Виролайнен, В.М. Маркович, О.Г. Дилакторская, В.Ш. Кривонос, В.Г. Щукин, Е.Е. Дмитриева).

Научная новизна диссертационной работы состоит в системном выявлении семантики и функций лиминальных элементов домашнего пространства как самостоятельного феномена исторической поэтики русской литературы XVII – первой трети XIX веков и творчества Н.В. Гоголя.

1. Впервые на широком сопоставительном историко-литературном материале выделены и прослежены в эволюции от эпохи барокко до постромантической словесности художественные подходы к моделированию домашнего пространства.

2. Дверь и окно впервые рассмотрены не только как особый поэтический образ и мотив, но и как целостный миромоделирующий комплекс, реализующийся в русской литературе XVII – первой трети XIX веков в системе устойчивых нарративов и жанровых топосов (сюжеты освоения мира и враждебного вторжения, «дева у окна», «стук у врат»).

3. Впервые полно выявлен материал использования образов / мотивов двери и окна в творчестве Н.В. Гоголя и произведен системный анализ их семантики и функций в контексте моделирования писателем домашнего хронотопа и художественного мира в целом.

4. Предложена концепция, аргументированно описывающая эволюцию в гоголевском творчестве от ранних циклов до второго тома «Мертвых душ» семантики и функций лиминальных элементов домашнего пространства, что позволяет существенно дополнить представление о поэтике писателя и его художественной антропологии.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке методологии структурно-функционального анализа хронотопа, соединяющей в системное целое смысловые уровни членения художественного пространства (онтологический, антропологический, социально-коммуникативный, экзистенциально-психологический) и демонстрирующей их интегральное функционирование в нарративе и / или мотивно-символических комплексах.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения её результатов в разработке курсов по истории русской литературы и ее исторической поэтике, в подготовке спецкурсов и семинаров, посвященных художественному хронотопу и творчеству Н.В. Гоголя. Исследование обладает источниковедческой ценностью, его материал может быть использован в эдиционно-комментаторской практике.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались в рамках аспирантского семинара, а также на заседаниях кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета (2012 – 2016). Основные положения диссертации были представлены в виде докладов на X Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2009); LI Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2013); LII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2014); I (XV) Международной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2014); II (XVI) Международной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2015); LIV Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2016). По теме диссертационного исследования опубликовано 9 статей, 3 из которых – в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий.

Положения, выносимые на защиту.

1. Семантика и функции двери и окна в русской литературной традиции сохраняют связь с ритуально-обрядовыми компонентами восточнославянской культуры жилища, определяющими их мифопоэтику.

2. В русской литературе XVII – первой трети XIX веков дверь и окно функционируют как целостный миромоделирующий комплекс, обладающий преемственной ядерной семантикой и реализующийся в системе устойчивых мотивов (онтологических, антропологических, социально-коммуникативных,

экзистенциально-психологических), сюжетно-повествовательных схем (сюжеты освоения мира и враждебного вторжения) и жанрово-стилевых топосов (притчевый «блудный сын», идиллический «домосед», романтический «странствователь», элегическая «дева у окна», балладный «стук у врат»).

3. Гоголевская поэтика лиминальных элементов испытала влияние ритуально-обрядовых, барочных, сентиментальных и романтических семантико-функциональных подходов к моделированию домашнего пространства.

4. Ранние гоголевские циклы демонстрируют эволюцию от мифопоэтической семантики двери и окна, определенной центральным положением дома в онтологическом и социально-коммуникативном пространстве («Вечера на хуторе близ Диканьки»), к ее инверсии и разрушению под влиянием формирующейся негативной антропологии («Миргород»).

5. В драматургии и петербургских повестях Гоголя дверь и окно являются маркерами социальных и экзистенциально-психологических разделений, лишенных онтологической оправданности и превращающих дом в искаженное фантомное пространство.

6. В поэме «Мертвые души» предпринята попытка эпической интеграции пространства, актуализирующая сюжет пересечения домашних границ и восстановления закодированной в метафорике окна и двери искаженной человеческой природы, что в черновых материалах второго тома трансформируется в сквозную эмблематизацию лиминальных элементов как знаков правильного / неправильного домостроительства.

Структура работы: диссертация включает в себя введение, три главы, заключение и список использованной литературы из 358 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются выбор темы исследования, её актуальность, научная новизна, определяется предмет изучения, излагается история вопроса, раскрываются теоретическое значение и практическая значимость работы, формулируются цели и задачи исследования и описываются его методологические основы.

Для изучения семантики и поэтики домашних пространственных образов большую значимость имеет контекст традиции. В случае Гоголя, писателя бикультурного и сложного в плане эстетики, их было несколько: восточнославянская бытовая культура и ее фольклорно-обрядовые представления, тесно с ней связанное барочное наследие и поэтика вначале сентиментального горацианства, а затем романтического и раннереалистического жизнестроительства. **В первой главе «Семантика и функции окна и двери в русской литературе XVII – первой трети XIX века»** описывается эволюция художественных моделей домашнего пространства и семантико-функциональных комплексов, связанных с лиминальными его элементами.

Раздел 1.1 «Поэтическая семантика двери и окна в украинско-русской барочной традиции XVII – XVIII веков» посвящен восточнославянским фольклорно-мифологическим представлениям о пороговых компонентах жилища и их преломлению в поэтике русско-украинского барокко. **Параграф 1.1.1 «Славянские фольклорно-мифологические истоки семантики окна и двери»** имеет своим предметом моделирование домашнего пространства в восточнославянской обрядовой культуре. В ее пределах функции двери и окна определялись природно-космологическим планом жилища, ориентацией по отношению к сторонам света и природным стихиям. В свою очередь этот план задавал ряд оппозиций, спроецированных на социальную структурированность дома (хозяйственную, гендерную, коммуникативную): центр – периферия, правая половина – левая половина, внутренняя сфера – внешняя сфера. Помимо вписывания дома в космос дверь и окно выполняли и противоположную функцию – отграничения и фильтрации. Непосредственно защитную роль играли стены жилища, они препятствовали вторжению внешних стихий; дверь и окно снимали абсолютность барьеров и способствовали контактам с миром, которые, однако, должны были проходить селекцию: путь нежелательным влияниям или гостям заграждался.

Параграф 1.1.2 «Дверь и окно в контексте барочной эмблематики дома» описывает функции лиминальных элементов в литературе украинско-

русского барокко, где дом служил символическим аналогом мироздания, включившим в себя природное, человеческое, историческое, трансцендентное измерения. Этот устойчивый мотив отразился в структуре вертепного кукольного театра, представлявшего в домашнем интерьере сцены сакрального и бытового характера (ср. эмблематический образ города Григория Сковороды). Выразительный образец подобной литературной эмблематики предлагает «Приветство <...> Алексею Михайловичу <...> о вселении его благополучном в дом, <...> в селе Коломенском новосозданный» Симеона Полоцкого. Окно и дверь в подобном контексте служат маркерами не только пространственных границ, но и рубежей семиотического кодирования. В результате они насыщаются мощными метафорическими значениями (космологическими, соматическими, духовно-психологическими) и становятся символами открытого познания. Дверь и окно, части дома-мира, притягивают человека барокко как средство заглянуть в неизвестное, пробуждают индивидуальное любопытство в условиях еще традиционалистской культуры. Именно поэтому метасюжет, связанный с дверью и окном, основан на притче о блудном сыне, на уходе из дома и возвращении в него после круга познания, как в «Комедии притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого.

В разделе 1.2 «Феноменология домашнего пространства и семантика двери и окна в русской литературе конца XVIII – первой трети XIX века» внимание посвящено сентиментальной, романтической и постромантической поэтике пограничных элементов. **Параграф 1.2.1 «Горацианский домашний идеал русского сентиментализма и лиминальные пространственные сюжеты»** описывает роль двери и окна в маркировании границ идиллического топоса. Сентиментализм, для которого главным предметом интереса стало формирование личности, происходящее под воздействием чувственных впечатлений, произвел преобразование домашней семиотики. Семья и любовь, дружба и творчество, природа и книги – вот истинные ценности уединенного горацианца, а их защитой и оградой, в том числе в виде дверей и окон, выступал дом, противопоставленный большому миру в поэзии Г.Р. Державина, В.В. Капниста,

Н.М. Карамзина. Основным пространственным сюжетом, определившим функции двери и окна, в результате становилось либо расширение дома до пределов универсума, либо крах идиллического хронотопа. Для сюжета первого типа характерна диалектика замкнутости и открытости домашнего пространства. С одной стороны, связанной с горацанским культом дружбы, дом открыт для посещений, визитов, в нем всегда много людей, это место дружеских собраний и бесед. С другой стороны, отражающей творческую фантазию героя, его круг чтения и рефлексии, само домашнее пространство стремится к расширению вовне («эмилиева» трилогия М.Н. Муравьева). Второй сюжет связан с вторжением внешнего мира в домашнее пространство через двери и окна, в результате чего нарушается идиллическая обособленность и происходит разрушение дома («Бедная Лиза» Н.М. Карамзина)

В параграфе 1.2.2 «“Дева у окна” и “стук у врат”»: семантика мотивов окна и двери в русской литературе 1800-1830-х годов» анализу подвергаются наиболее репрезентативные мотивные комплексы эпохи, связанные с лиминальными элементами. В романтической литературе домашняя семантика окрашивается личностной рефлексией, становясь жизнестроительным символом для «странствователей» и «домоседов», в свете которого скромная обитель героя выступала отражением его внутреннего мира, а границы жилища превращались в ограду персональной независимости. Здесь лиминальные мотивы обрели ряд устойчивых жанровых модификаций: анакреонтическое ожидание любовницы / любовника у окна (К.Н. Батюшков, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин), а впоследствии элегическое томление перед ним («Узник» В.А. Жуковского, Татьяна в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина), и балладный переход воплощенной в двери трансцендентной границы, зачастую имеющий вид вторжения инфернальных сил («Светлана», «Людмила» В.А. Жуковского, повести А. Погорельского, «Пиковая дама» А.С. Пушкина). В постромантической словесности семантика двери и окна обнаружила связь не только со сферой онтологии и этики, но и с социальным моделированием пространства («Медный всадник», «Капитанская дочка» А.С. Пушкина). С помощью данной семантики акцентировались

экзистенциально важные для героев границы, определенные системой социально-бытовых и исторических барьеров.

Тем самым в ходе литературного развития семантика двери и окна трансформировалась из жанрово определенного явления с устойчивым соотношением элементов в динамичное смысловое поле, способное в индивидуально-авторской поэтике тонко настраиваться для структурирования пространства.

Глава вторая «Роль домашнего пространства и функции окна и двери в «украинских» циклах Гоголя» освещает смысловые доминанты, которые определяют функционирование образов домашней границы в раннем гоголевском творчестве. В разделе 2.1 **«Мифопоэтическое пространство «Вечеров на хуторе близ Диканьки»** внимание сосредоточено на мифологических проекциях хронотопа, структурированного по степени освоенности. В нем, следуя народным представлениям, существуют четкие границы, разделяющие в горизонтальном плане «свое» (мир Диканьки, сокращенная Вселенная) и «чужое» (Петербург, имперское пространство). Рай-небо (монолог Ганны в «Майской ночи») и ад-подземелье («Страшная месть») воплощают вертикальную организацию, ось мира, что часто акцентируется образом мирового дерева. Верхнему и нижнему ярусам присваиваются при этом антропологические параметры, они очеловечиваются и обывотвляются.

В разделе 2.2 **«Дом, дверь и окно в мифопоэтическом пространстве «Вечеров»** выявляется роль лиминальных элементов дома в космологическом, социальном и коммуникативном моделировании пространства. В космологическом плане дом в «Вечерах» выступает точкой пересечения вертикальной, связывающей небо и преисподнюю, и горизонтальной, социально-бытовой, организации пространства. В последнем аспекте дом прочно ассоциируется с семейным миром: создание новой семьи – это строительство новой хаты. В сюжетах повестей, построенных на любовной коллизии, герои предстают в моментах контакта с внешним миром, чаще всего генетически связанных с ритуалами сватовства. В них значим акт пересечения границы – двери и окна («Сорочинская ярмарка», «Ночь перед Рождеством», «Майская ночь», «Иван Федорович

Шпонька и его тетушка»). Роль двери и окна как пороговых зон актуальна в вертикально-космологическом контексте похоронной обрядовости, подразумевающей проникновение в потусторонний мир («Вечер накануне Ивана Купала», «Страшная месь», «Ночь перед Рождеством», «Майская ночь»).

Отличительная черта «Вечеров» – свободное общение жителей одного селения, реализующаяся в социально-коммуникативных сюжетах «гостевания» (В.А. Кошелев). Оно требует особого внимания к акту пересечения границы – порога хозяйского жилища, представляющего, с одной стороны, местом бытовых ритуалов приветствия, соблюдение или нарушение которых определяет возможность коммуникации между гостем и хозяином, а с другой – обозначающего космологическую границу, зону «иногo» пространства, откуда приходит гость («Ночь перед Рождеством», «Майская ночь»). С ролью дома как центра обрядности связана также информационно-регламентирующая функция. Совместное домашнее собрание и рассказывание историй в «Вечерах», будучи вынесенным в заглавие, определило жанровую форму и принцип циклизации. У Гоголя ритуальной ситуацией общения явилось рекреационное игровое действие, близко связанное со свадебно-любовной сферой. «Вечерница» представляет собой повод для передачи значимой информации, родовой памяти, облеченной в том числе в нарративные формы быличек и легенд. Они для собравшихся становятся сводом мифологических прецедентов, призванным предотвратить «неправильное» пересечение границ «своего» и «чужого» миров и утвердить его этическую ритуальную норму.

В разделе 2.3 «Трансформация мифопоэтического пространства в «Миргороде» описываются основные тенденции в преобразовании мифопоэтического хронотопа, когда дом перестает быть подлинным центром космоса, соединением его вертикали и горизонтали. Пространственный «сюжет» цикла катастрофичен: четыре его повести рассказывают о гибели или деградации обустроенного «своего» мира, чьим воплощением является дом. И символическим знаком здесь неизменно оказывается подрыв пространственной суверенности, воплощенной в системе границ домашнего мифологизированного пространства.

В разделе 2.4 «Инверсия пороговой домашней семантики» устанавливаются функции домашнего пространства в четырех повестях «Миргорода». В **параграфе 2.4.1 «Разрушение дома в «Старосветских помещиках»** анализу подвергается сюжет гибели воплощенного в доме Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны идиллического локуса. В повести сохраняется мифопоэтическая концентричность пространства. Чем ближе к центру, в роли которого выступает дом, тем более обжитой и безопасной является данная сфера; защитой от вторжения чужих, будь то люди, животные или стихии, служат разного рода ограждения. Однако у Гоголя мифопоэтика жилища оказалась спроецирована на сентиментальный комплекс гибели идиллии и романтическую коллизию трансцендентного проникновения («стук у врат»), будучи осложнена еще и барочными мотивами космологического и антропологического плана.

Параграф 2.4.2 «Элиминация домашнего пространства в «Тарасе Бульбе» посвящен вытеснению домашней семантики на повествовательную периферию в «казачьей» повести, где действие переносится в «открытый» хронотоп, выступающий альтернативой «старосветскому». Дому здесь отводится очень скромное место как временному привалу в кочевой военной жизни. Граница, ограждение в подобном локусе, как правило, отсутствует (ср. описание Сечи). Дверь и окно как ее маркеры, тем самым, оказываются бесполезны и упоминаются лишь при описании чужого пространства, прежде всего польского жилища. Они выступают знаками инаковости и представляют собой вызов для героев, преодолеваемый хитростью (Андрей) или силой (Тарас).

В параграфе 2.4.3 «Негативная домашняя мифопоэтика «Вия» описывается сюжетно-смысловая инверсия роли домашнего пространства, которое из бытового трансформируется в inferнальное и становится зоной повышенной опасности. Оно выходит из-под контроля Хомы, оказываясь в распоряжении внешних сил – ректора, казаков-сторожей, сотника, панночки. Сквозной жест последней – это открывание дверей или преодоление барьеров. Единственным желанием героя является восстановление границ и обретение собственной безопасной зоны. В результате дверь и окна, в которых завязли чудовища, стано-

вятся знаками искаженной природы домашне-храмового пространства, оно оказывается опороченным и непригодным для человеческого присутствия.

Параграф 2.4.4 «Метафоризация негативной домашней семантики в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» выявляет тенденцию к превращению отрицательно оцениваемого домашнего пространства в антропологический символ, знак духовного омертвения. Домашний мир Миргорода в гоголевском повествовании предстает атомизированным и хаотичным, в нем не соблюдается функциональное разделение на зоны, границы произвольны, и локусы вклиниваются друг в друга. Перенасыщенность пространства предметами и деталями сопровождается статичностью героев, которые исключены из жизни-дороги, жизни-движения. Дверь или окно как точки коммуникации здесь оказываются не нужны, они заменяются глухими стенами пристроек, которые еще более дробят и стесняют пространство, превращая героев в затворников, полностью сосредоточенных на фиктивных целях взаимной и все более ожесточенной борьбы.

Глава третья «Семантика окна и двери в художественной прозе и драматургии Гоголя второй половины 1830 – 1840-х годов» сосредоточена на эволюции авторского моделирования негативной домашней семантики в драматургических произведениях, «петербургских» повестях и поэме «Мертвые души». В разделе **3.1 «Дверь и окно как маркеры социальной и экзистенциальной организации пространства в гоголевской драматургии»** предметом анализа становятся функции пограничных элементов дома в драматургическом действии «Ревизора», «Женитьбы» и «Игроков». В **параграфе 3.1.1 «Лиминальные элементы домашнего пространства в контексте миражной интриги «Ревизора»** описывается роль двери и окна в социально-психологическом структурировании хронотопа пьесы. Итогом «Миргорода» явилась ценностная трансформация домашнего пространства и превращение его в метафорический слепок негативной антропологии. Развитием этого метода стал «сборный город» «Ревизора», с одной стороны – модель социальной организации, а с другой – «душевный город», где структура общественных связей претворяется в

духовно-психологических обобщениях, в складе страстей героев. Пороговая семантика, воплощенная в функциях двери и окна, позволила развернуть в пьесе сюжет борьбы за социальное структурирование закрытого и тесного пространства, условного и миражно изменчивого, лишённого онтологической основы. Суть человека в «сборном доме» городничего определяет всего лишь приближение или удаление от источника власти, открытость или закрытость каналов проникновения к нему (дверей и окон).

В параграфе 3.1.2 «Прыжок в окно» и дискредитация домашне-семейной семантики в «Женитьбе» освещаются функции двери и окна в социально-бытовом хронотопе пьесы. В «Женитьбе» оказался миражно инвертирован ритуал сватовства, сюжетная основа комедии, что привело к дискредитации домашне-семейной сферы: приданое в виде дома Агафьи Тихоновны мистифицируется, идеал семьи лишается конкретности и мотивированности, личность жениха и невесты представляется искаженной в атмосфере сплетен и недостоверного «подглядывания в замочную скважину». Итоговый «прыжок в окно» Подколесина выступает символом смещенности пространственной структуры дома и абсурдности антиритуала.

Параграф 3.1.3 «Сюжет обманного проникновения и отчужденное пространство жилища в «Игроках» намечает специфический ракурс семантики двери и окна в плутовской комедии. В «Игроках» деструкции подвергается не только семейно-домашнее, но и любое личное пространство. Семиотику пьесы определяет сюжет обманного пересечения границы: любой элемент здесь имеет иной смысл, чем представляется, локализация и статус героя ложны, и каждое проникновение извне углубляет деградацию. Окна и двери превращаются уже не в обозначения личных границ, а в маркеры условных пределов действия миражных социальных масок. Их негативная семантика абсолютизируется до inferнальной иллюзии, «дьявольского обмана».

В разделе 3.2 «Функции пороговых элементов в петербургских повестях: социальное структурирование и его мистические проекции» рассматривается сюжетно-повествовательная роль двери и окна в различных типах до-

домашнего пространства, отражающих социальную стратификацию. Ее определяют контрасты большого города, где дверь и окно маркируют социальные и экзистенциальные разделения. Здесь границей дома является стена – непроходимый и глухой барьер, жестко разделяющий допущенных или не допущенных во внутреннее пространство. Подобные описания сопровождают, как правило, ситуацию одиночества, затерянности героя в мире столицы. Реакцией на отчужденность и обманчивость города становится желание насильственно проникнуть внутрь, во что бы то ни стало прикоснуться к изнанке, скрываемой монолитными фасадами зданий. Персонажи повестей пытаются сделать это, заглядывая в чужие окна или двери и наталкиваясь на сцены иного, недоступного им уклада. Границы между стратами, к которым принадлежат герои, фактически непроницаемы, что превращает каждый дом в раковину, не предполагающую коммуникации за пределами своего слоя, будь то квартира «значительного лица», жилище среднего или мелкого чиновника, дом мастерового, угол представителя богемы.

В контексте мистической символики метасюжетом петербургских повестей становится мнимое провоцирующее падение ограждающих барьеров, воплощенных в двери и окне, под напором демонических соблазнов социального самоутверждения, профессиональной карьеры, богатства, сексуальности. Они мотивируют для героев отказ от автономии личного (домашнего) пространства, трудно достижимого в коммунальном быте столичного обывателя, и попытку проникнуть в пространство чужое, что приводит к трагическому финалу. Сам дом в системе негативной антропологии становится своеобразной ловушкой, местом никак не защищенным, лишенным онтологической прочности.

В разделе 3.3 «Лиминальные элементы домашнего пространства в эпической перспективе «Мертвых душ» рассматривается гоголевский опыт интеграции атомизированного пространства и восстановления искаженной человеческой природы, определяющий семантику двери и окна. В параграфе 3.3.1 «Пересечение границ как способ интеграции локусов в первом томе поэмы» анализируется сюжетно-повествовательная роль пороговых элементов

дома в эпическом хронотопе. В «Мертвых душах» сферой изображения стала «вся Русь», что решительно изменило подходы к моделированию пространства, которое должно было предстать, с одной стороны, в его единстве, а с другой – в процессе дискретного разворачивания-демонстрации. В нарративном плане дома в поэме объединены передвижениями Чичикова, обитателя гостиниц и вечного гостя, являющегося то у одного, то у другого помещика, открывающего двери присутственных мест и бальных зал. В первом томе его путешествие интегрирует локусы кумулятивно, во втором в нем появляется вертикальное измерение, поиск универсального дома – храма, который, согласно замыслу автора, должен был предстать в третьем томе. С парадигматикой и синтагматикой связаны основные планы семантики лиминальных элементов: первый определен функциями двери и окна в статичном домашнем пространстве, метафорически моделирующем характер героя и его способ существования, второй мотивирован системой ритуалов, сопровождающих проникновение / уход Чичикова. Галерея домашних образов в поэме, если рассматривать ее парадигматически, представляет собой систему вариантов от максимально закрытого поместья Собакевича или Коробочки, огражденного заборами и воротами, до публичного пространства департамента, бала или гостиницы, где дверь и окно организуют регулярную коммуникацию.

В параграфе 3.3.2 «Символика домашних границ во втором томе поэмы» акцентируется внимание на эволюции лиминальной семантики в учительской поэтике позднего Гоголя. Преобразование дорожного одиночества авантюриста Чичикова в трансцендентный поиск «небесного дома» определило вектор второго тома «Мертвых душ». Тем самым метафоризация, осуществлявшаяся в первом томе через универсализирующие формулы, где она растворялась в пластике описаний, сменяется в продолжении поэмы эмблематизацией. Дверь и окно выступают во втором томе не столько частью бытовой обстановки, сколько знаком того или иного переходного душевного состояния, свойственного герою. У персонажей, выступающих образцами и примерами подражания для Чичикова, это реализуется в непрерывной деятельности, в активном домостро-

ительстве (Костанжогло, Платонов, Муразов), у других помещиков – в противоречиях характера, отражающихся в как-либо искаженной и требующей возвращения к норме структуре домашнего пространства. Обилие хозяйственно-практических мотиваций лишает повышенной сюжетной значимости ритуал «гостеванья» с его лиминальной семантикой, встречами и прощаниями на пороге. Его замещает мотивный комплекс домостроительства, предметом которого является, с одной стороны, превращение всего комплекса поместий в единый цветущий сад-рай, а с другой – забота о каждом конкретном локусе.

В **заключении** подводятся основные итоги и намечаются перспективы исследования.

Работы, опубликованные по теме диссертации

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. **Болотникова О. Н.** Феноменология домашнего пространства в литературе русского сентиментализма / О. Н. Болотникова // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 391. – С. 34–39. – DOI: 10.17223/15617793/391/5. – 0,75 п.л.

2. **Болотникова О. Н.** Дверь и окно в контексте барочной эмблематики дома / О. Н. Болотникова // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 397. – С. 5–11. – DOI: 10.17223/15617793/397/1. – 0,87 п.л.

3. **Болотникова О. Н.** «Дева у окна» и «стук у врат»: семантика мотивов окна и двери в русской литературе 1800–1830-х гг. / О. Н. Болотникова // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 405. – С. 5–15. – DOI: 10.17223/15617793/405/1. – 1,3 п.л.

Статьи в других научных изданиях:

4. **Болотникова О. Н.** Семиотика двери и окна в «Ревизоре» Гоголя / О. Н. Болотникова // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики :

материалы конференции молодых ученых. Томск, 17 апреля 2009 г. – Томск, 2009. – Вып. 10, т. 2 : Литературоведение. – С. 28–31. – 0,25 п.л.

5. **Болотникова О. Н.** Сюжет трансформации в «Петербургских повестях» Н. В. Гоголя / О. Н. Болотникова // Студент и научно-технический прогресс : материалы 51-й Международной научной студенческой конференции : Литературоведение. Новосибирск, 12–18 апреля 2013 г. – Новосибирск, 2013. – С. 28–29. – 0,12 п.л.

6. **Болотникова О. Н.** Семантика домашнего пространства в литературе русского сентиментализма и его связь с горацианством (В. В. Капнист, М. Н. Муравьев, Н. М. Карамзин) / О. Н. Болотникова // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сборник материалов I (XV) Международной конференции молодых ученых. Томск, 03–05 апреля 2014 г. – Томск, 2014. – Вып. 15, т. 2: Литературоведение. – С. 10–16. – 0,43 п.л.

7. **Болотникова О. Н.** Гоголевская семиотика окна и двери в контексте традиций барокко / О. Н. Болотникова // 52-я Международная научная студенческая конференция МНСК–2014 : материалы конференции : Литературоведение. Новосибирск, 11–18 апреля 2014 г. – Новосибирск, 2014. – С. 30–31. – 0,12 п.л.

8. **Болотникова О. Н.** Концепт «окно» в современных исследованиях русской литературы / О. Н. Болотникова // 54-я Международная научная студенческая конференция МНСК–2016 : материалы конференции : Литературоведение. Новосибирск, 16–20 апреля 2016 г. – Новосибирск, 2016. – С. 41–42. – 0,12 п.л.

9. **Болотникова О. Н.** Дом, дверь и окно в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголя и восточнославянская семиотика жилища / О. Н. Болотникова // Имагология и компаративистика. – 2016. – № 1(5). – С. 153–176. – DOI: 10.17223/24099554/5/9. – 1,56 п.л.

Издание подготовлено в авторской редакции

Отпечатано на участке цифровой печати
Издательского Дома Томского государственного университета

Заказ № 2414 от «7» марта 2017 г. Тираж 120 экз.